

© 1999 г., ЭО, № 6

Т.А. Жданко

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О КАРАКАЛПАКАХ В РОССИИ XIX в.

В настоящее время в этнографии, как и в других гуманитарных науках, происходит переоценка многих научных достижений и концепций, научных заслуг отдельных исследователей, что должно найти отражение в новых историографических трудах. В частности, расширилась возможность объективно оценить заслуги исследователей Средней Азии дореволюционного периода, когда значительная часть этнографических сведений собиралась не специалистами – востоковедами или этнографами, еще крайне малочисленными, а военными, офицерами, участниками посольских миссий, военных походов, военно-разведочных и военно-научных экспедиций, чиновниками колониальных администраций и др. По своему служебному положению они принадлежали к правящему классу, что не умаляло их интереса к жизни населения Средней Азии, занятиям, быту обитавших на ее территории народов, в том числе каракалпаков.

Этногенез и этническая история каракалпаков с древнейших времен были связаны с кочевыми и полукочевыми племенами Приаралья, обитавшими в окружающих Аральское море степях и в дельтовых областях великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи, на периферии государств древнего и средневекового Хорезма. На разных этапах средневековья в их этногенезе участвовали печенеги и огузы, вторгавшиеся в южнорусские степи, кыпчаки (половцы), племена Ногайской орды. В XVI в. каракалпаки уже обрели свой этноним и в большинстве обитали в низовьях Сырдарьи, на степной периферии Хивинского и Бухарского ханств, возглавлявшихся узбекскими династиями.

Первые упоминания о народе каракалпаков появились в среднеазиатских источниках в конце XVI в., а в русских – в начале XVII в. Сведения XVII столетия скудны и отрывочны. Они содержались в сообщениях хивинских и бухарских купцов, торговавших в Московском государстве, или в статейных списках посланников русских царей к хивинским и казахским ханам. Однако уже на рубеже XVII–XVIII вв. на картах составленного по указу Петра I Семеном Ремезовым атласа «Чертежная книга Сибири» впервые появилось обозначение территории обитания каракалпаков в низовьях Сырдарьи, на побережье Арала и в прилегающих к нему степях. К XVIII в. относятся наиболее ранние сообщения об их этнографическом облике – хозяйстве, образе жизни, жилище, одежде¹. Данная статья – продолжение истории накопления в России этнографических сведений о каракалпаках. Она посвящена периоду с начала XIX в. до завоевательных походов царских войск в Среднюю Азию в 1860-е годы, взятия Хивы в 1873 г. и присоединения большинства каракалпаков к Российской империи.

1800–1830-е годы

Характеризуя историю русской этнографии начала XIX в., С.А. Токарев отмечал как новое явление в ее развитии выход на широкую мировую арену. Свидетельства тому – кругосветные экспедиции русских мореплавателей, изучение Русской Америки, путешествия офицеров русской армии и флота – участников заграничных походов в

зарубежную Европу, стремительное развитие русского китаеведения и др. Однако «прирост этнографических знаний о народах России шел в начале XIX в. медленнее, чем расширение познаний о зарубежных народах»². При этом изучение населения Сибири и Казахстана в указанный период по-прежнему происходило интенсивнее, чем народов Средней Азии. Это относится и к каракалпакам, хотя круг сведений о них в эти годы намного расширился по сравнению с накопленными в XVIII в.

Изучение населения среднеазиатских ханств было значительно сложнее, чем более открытых для русских исследователей регионов Сибири и «киргиз-кайсацких» степей. Торговлю и дипломатические связи с Бухарой, Кокандом и особенно с Хивой затрудняли не только необходимость преодоления на пути к ним обширных пространств пустынных земель, но и постоянная опасность нападений кочевников на караваны торговцев и посольств, а также недоброжелательность правителей ханств, заведомо считавших российских посланников злоумышленниками и шпионами, их недоверие и подозрительность. Пример этой враждебности – гибель посольской экспедиции во главе с Бековичем-Черкасским, отправленной в 1717 г. Петром I в Хиву и уничтоженной по приказу хивинского хана Ширгази.

Тем не менее торговые интересы побуждали ханства поддерживать связи с Россией, где в тот период процветала и внешняя, и внутренняя торговля, посылать туда послов и кушцов. Россия же в XIX в., как и в XVIII столетии, помимо роста торговли с ханствами была заинтересована в установлении экономических контактов с их соседями – другими странами Востока – и продолжала поиски удобных путей через казахские степи, Хиву, Бухару и Коканд в Индию, Китай, Афганистан, Персию. В этих условиях все больше возрастала роль Оренбурга, ставшего основной базой для осуществления планов России в Средней Азии. «Путешествия в Бухару и Хиву в то время совершались обыкновенно из Оренбурга, путешествия в Кокандское ханство – из пунктов Иртышской линии», – писал В.В. Бартольд³. Через Оренбург шла дипломатическая переписка с ханами, направлялись в ханства из России посольства, большинство торговых караванов, правительственных экспедиций, путешественников. Через Оренбург в города и на ярмарки России направлялся главный поток товаров среднеазиатских кушцов, ко двору русского императора ехали ханские послы. Оренбургские губернаторы и их администрация были проводниками царской политики в Средней Азии.

Направленность этой политики, очевидные намерения России расширять связи с ханствами нашли наиболее яркое отражение в подготовке первой правительственной посольской экспедиции XIX в. в Бухару и Хиву. Посольство готовилось «по высочайшему повелению» Александра I, а возглавить его поручили «офицеру свиты его величества», поручику Гавердовскому. Общие задачи посольства определялись широко – как «выгодами русской коммерции», так и «доставлением сведения о стране сей, Европе мало известной». Подготовка была очень тщательной: посольство отправлялся с большим купеческим караваном, а для охраны от возможных нападений в степях снабдили конвоем из казаков. Проведена была и научная подготовка: «господам членам Императорской академии наук и профессорам» предложили проконсультировать Гавердовского, «снабдить его соответствующими наставлениями»⁴. Помимо «царских грамот» – писем правителям Бухары и Хивы – Гавердовский получил утвержденную государем «инструкцию», в которой детально определялись его задачи. Наряду с ведением официальных переговоров ему предлагалось собрать в обоих ханствах сведения о населении, образе правления, занятиях жителей, о «предметах внутреннего изобилия, промыслов и рукоделий», а главное – «входить в исследование духа торговли» – изучать ее особенности: в каких товарах нужда, каковы пошлины, торговые пути, в частности, в Индию и Персию, «их безопасность и удобства». На переговорах следовало сказать, что русское правительство надеется на выдачу ханских охранных листов тем русским купцам, которые завяжут торговлю с Кабулом, Кашмиром, Кандагаром, Тибетом и различными индийскими и персидскими владениями.

При посещении Хивинского ханства Гавердовскому предписывалось также выяснить выгодность судоходства по Амударье и Сырдарье, осведомиться о русских пленниках, облегчить их участь, а по возможности освободить их⁵. Однако Гавердовскому не удалось выполнить возложенные на него правительством задачи; его постигла неудача. Вышедшее из Оренбурга весной 1803 г. посольство с купеческим караваном из 55 верблюдов и в сопровождении отряда казаков не дошло 70 верст до Сырдарьи и было почти полностью разграблено нападшими на него казаками и каракалпаками. Посольству едва удалось спастись, но один из его участников – доктор Савва Большой – тем не менее попал в плен. Около года он жил на положении невольника в аулах сырдарьинских казахов, успев выучить казахский язык и собрать этнографические сведения о местных жителях⁶.

Архивные материалы, связанные с подготовкой посольства Гавердовского и отражающие планы и интересы России в Средней Азии начала XIX в., дают представление об обстановке, в которой был написан в 1803 г. историко-географический очерк «Описание хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости». Анонимную рукопись его опубликовал более чем полвека спустя востоковед В.В. Григорьев⁷, который полагал, что ее автор – П.Е. Величко, служивший в начале XIX в. директором Оренбургской таможни. У издателя были все основания считать так: П.Е. Величко являлся деятельным организатором торговли со среднеазиатскими ханствами.

После провала посольства Гавердовского оренбургский губернатор Г.С. Волконский именно к нему как к опытному и авторитетному администратору, «ближайшему участвующему в торговле сего края», обратился с просьбой уговорить русских купцов, опасавшихся новых грабежей и убытков, возобновить отправку в Хиву и Бухару своих караванов. При этом губернатор сообщал, что правительство решило обеспечить купцам охрану военным конвоем. Волконский обещал Величко, что приведение торговли с ханствами в «новое цветущее состояние» сделает ему «особенную честь и репутацию» в правительственных кругах⁸.

Известно, что в планы Величко входило учредить «Русскую купеческую компанию» и страховую контору для обеспечения коммерческих выгод купцов и что он рассылал разным государственным сановникам сведения о ханствах, стремясь вызвать у них интерес к восточной торговле. Возможно, таково было и предназначение составленного им «Описания Хивинского ханства».

Труд Величко содержит две части: «Дороги из России в Хиву» и «Владение Хивинское». Дорог в Хиву автор называет четыре: первая и вторая – из Оренбурга; третья – с п-ова Мангышлак; четвертая – «с Уральской линии, от форпоста Сарайчикова». Именно последнюю он положил в основу своего «Описания». Форпост, позднее крепость Сарайчиковская, – одно из укреплений пограничной линии русских крепостей, построенных в XVIII в. на р. Яик (Урал), в его низовьях, немного выше «городка» Гурьева. Эта «удобнейшая», по словам Величко, дорога существовала уже в XIV в. После нашествия монголов, как писал В.В. Бартольд, «европейские путешественники и купцы стали ездить через Россию и Золотую Орду в Китай, и образовался торговый путь через Сарай, Сарайчик, Хорезм, а из Хорезма через Отрар и Алмалык (около Кульджи)»⁹. По торговому пути, шедшему из Крыма через Сарай-Берке и Сарайчик – город на Нижнем Яике, следовал в Хорезм, а затем в Мавераннахр арабский путешественник ибн-Батута в 1333 г., а позднее ею пользовались ногаи, торговавшие с Хорезмом¹⁰. Этот торговый путь, ведший из Поволжья в Хорезм через построенный на месте средневекового Сарайчика русский форпост, Величко описывает со всеми подробностями, сообщая и о населении местностей, которые он пересекает.

При описании дорог из Оренбурга в Хиву автор приводит важные сведения о расселении каракалпаков, обитавших в начале XIX в. как в пределах Хивинского ханства, так и в других местностях Приаралья. Так, он сообщает, что одна из оренбургских дорог шла, «имея Аральское озеро влево», т.е. вдоль западного берега Арала, а вторая «имела Аральское озеро в правой руке», т.е. вдоль восточного берега, пересекая низовья Сырдарьи и Северные Кызылкумы – область между

дельтами Сырдарьи и Амударьи; при этом обе эти дороги шли «через киргиз-кайсацкую степь и кочевья каракалпаков»¹¹. Утверждение, что в тот период к юго-востоку от Арала, за пределами ханства, существовали поселения каракалпаков, имело немаловажное значение: оно опровергало ошибочное мнение о том, что якобы после разгрома в 1743 г. сырдарьинских каракалпаков казахским ханом Младшего жуза Абулхайром вся уцелевшая часть этого народа ушла в Хивинское ханство, став подданными его правителей. Так, в 1794 г. посланник России в Хиве майор Бланкеннагель писал: «С тех пор, как киргизцы*, в бывших между ними войнах, истребили большую часть каракалпаков, перешли остальные к Хиве... и живут с того времени под покровительством хивинцев»¹².

Величко же, по-видимому, имел точные сведения о каракалпакских поселениях, полученные от очевидцев – пугников, которые следовали из Оренбурга в Хиву и обратно по пути, обгибавшему Арал с востока. Поселения («кочевья») каракалпаков располагались в тот период в нескольких местностях. Небольшая часть этого народа осталась после 1743 г. в низовье Сырдарьи и на Кувандарье, живя смешанно с казахами и подчиняясь казахским султанам и ханам. Другая часть не дошла до границ Хивинского ханства и расселилась на протоках восточной дельты Амударьи, в местности Ак-якыш, у озер Даукаринской низменности. В начале XIX в. еще не все племена, жившие там, подчинялись Хиве, и ханы не раз посылали туда карательные отряды, громившие аулы непокорных каракалпаков. Еще одним обширным районом расселения каракалпаков был бассейн р. Жаныдарьи, где они построили ирригационную сеть и занимались земледелием, оставаясь независимыми как от казахов, так и от Хивы до завоевания их в 1810–1811 гг. хивинским ханом Мухаммед-Рахимом (1806–1825) и насильственного переселения в пределы ханства.

Описывая западную дорогу в Хиву, Величко указывает, что на Устюрте она разветвлялась и шла к столице ханства по двум направлениям: через Куны-Ургенч и через Кунград, причем оба направления пересекали поселения каракалпаков¹³. «Из сведений Величко, – пишет Б.В. Андрианов, – следует, что на рубеже XVIII–XIX вв. северо-западный район каракалпакских поселений достиг значительных размеров. Вся низменность между Куны-Ургенчем, Устюртом и Кунградом была занята каракалпакскими кочевьями»¹⁴.

Во второй части труда Величко упоминает каракалпаков главным образом в связи с «кунградцами» – северными узбеками-аральцами, образовавшими на севере ханства «отложившееся» от Хивы владение. Он пишет: «Народ конратский, состоящий наиболее из узбеков... и частью из каракалпаков и трухменцев, именуется также аральским, по кочевьям его около озера Аральского». И далее: «Всегдашняя вражда хивинцев с конратцами, каракалпаками и трухменцами производит часто кровавые драки»; «каракалпак (в Хиве) до 20 тысяч; подвластны – конратцам»¹⁵. Таким образом, сведения Величко о хивинских каракалпаках ограничивались лишь той частью их, которые обитали в мятежном Аральском владении. Автор ошибочно представлял этих каракалпаков как кочевников-скотоводов, у которых хивинцы (как и у казахов, и у туркмен) «в городах в базарные дни выменивают... лошадей, быков, баранов на хлеб, на свои изделия и на привозимые из России и Бухары товары»¹⁶.

Среди народов ханства земледельцами, по мнению Величко, были хивинцы (сарты) и полуоседлые аральские узбеки. О последних он пишет: «Конратцы, будучи кочевой народ, занимаются одним хлебопашеством, как и хивинцы»¹⁷. Автор «Описания Хивинского ханства» не учитывал, что уже в конце XVII–XVIII в. русские источники и литература сообщали о земледелии как о традиционном занятии каракалпаков, живших в дельтовых областях Приаралья. При этом, подобно аральским узбекам, они жили полуоседло в юртах и кроме хлебопашества разводили скот, ловили рыбу¹⁸.

Историографы отмечают, что с начала XIX в. среди русских, направлявшихся правительством в Среднюю Азию, встречалось все больше людей с высшим образо-

* В цитатах сохранены употреблявшиеся в XIX в. этнонимы казахов: «киргизцы», «киргиз-кайсаки».

ванием, специальной подготовкой, общекультурной эрудицией, имевших уже некоторый запас знаний о Средней Азии¹⁹. К путешественникам такого типа принадлежал и образованный офицер, участник кампании 1812–1814 гг. гвардейский капитан Генерального штаба Н.Н. Муравьев. С 1816 г. он служил на Кавказе, был хорошо осведомлен о научных исследованиях, проводившихся с XVIII в. на Каспийском море, и знаком с проблемой древнего русла Амударьи – Узбоя, некогда впадавшего в Каспий, и планами его обводнения.

В 1819 г. Н.Н. Муравьева назначили главой посольской экспедиции в Хивинское ханство. План экспедиции готовился в правительственных кругах России и получил «высочайшее одобрение», хотя инициатором и непосредственным организатором ее был «главноначальствующий» наместник Кавказа генерал А.П. Ермолов. Он же утвердил инструкцию, переданную руководителям экспедиции – главе ее морской части майору Пономареву и направлявшемуся к хивинскому хану через Каракумские пески, вдоль сухого русла Узбоя Н.Н. Муравьеву. Им предписывалось изучить возможность поворота торгового пути из Хивы в Россию. В интересах последней предполагалось сократить его и обезопасить, направив из Хивы и туркменских степей, минуя Мангышлак, к Красноводскому заливу (где планировалось построить крепость и пристань), а затем в Баку и Астрахань. В связи с торговыми интересами России следовало также всячески «склонять туркмен на сторону России», внушать им доверие к ней, устанавливая дружеские отношения. При переговорах с хивинским ханом Муравьеву предлагалось добиваться той же цели: дипломатическими средствами содействовать развитию русско-хивинской торговли. Выражалась надежда, что успеху его дипломатии должно «много содействовать знание его в татарском языке»²⁰.

Хан Мухаммед-Рахим встретил Муравьева недоброжелательно и заключил его в небольшую крепость Иль-гельды неподалеку от Хивы, где тот пробыл более 40 дней. После этого прием все же состоялся, хан принял привезенные Муравьевым подарки и после взаимных заверений в дружбе с миром отпустил, отправив с ним свое посольство в Россию²¹.

Во время путешествия в Хиву и обратно Муравьев благодаря собственным наблюдениям и расспросам туркмен, хивинских сановников, русских пленников и других жителей ханства собрал обширные сведения о Хивинском ханстве. «Результатом этого путешествия, – писал В.В. Бартольд, – была книга о Хивинском ханстве, тотчас же переведенная на французский и немецкий языки и долгое время остававшаяся для европейской читательской почти единственным источником сведений об этом узбекском владении»²².

Книга Н.Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг.» – существенный вклад в изучение Хивинского ханства²³. Однако, будучи насыщенной этнографическими сведениями, которые относятся главным образом к узбекам и туркменам, она почти не затрагивает вопроса о жизни каракалпаков. Тем не менее и эти скудные упоминания ценны.

Муравьев сближает каракалпаков с сартами, подчеркивая земледельческий характер хозяйства тех и других и противопоставляя эти народы узбекам, которые якобы «презирают все промыслы и занятия кроме военного» (как и воинственные туркмены)²⁴. «В случае войны войско образуется из узбеков и туркмен исключительно, составляющих сословие военных людей», сарты же и каракалпаки не имеют «ни склонности, ни упражнения в военном деле»²⁵. Сопоставляя статус четырех населявших ханство народов, автор называет сартов «настоящими и первобытными владельцами сего края», каракалпаков – «соседним народом», бывшим «под влиянием» сартов, узбеков – «иноземными завоевателями сего края», а туркмен – «гостями». «Четыре народа сии первоначально были между собой в отношениях хозяев, работников, завоевателей и гостей. Со временем же... смешались и, составив одно целое, разделились на четыре сословия – купцов, земледельцев, господ и войско»²⁶.

Автор неоднократно указывает на занятие каракалпаков земледелием: «Каракалпаки трудятся терпеливо в обрабатывании земель»²⁷. «Каракалпаки частью кочуют за

Амударьей, частью же пашут земли на юг от Аральского озера. Народ сей... привязан к хлебопашеству... и беден – живет в угнетении»²⁸. Каракалпаки, как и сарты, платили хану установленную для земледельцев подать. «Земли, составляющие отдельную собственность хана, весьма рачительно обрабатываются невольниками и несколькими деревнями сартов и каракалпаков, нарочно поселенных для сего возделывания»²⁹.

В характеристиках социального статуса народов ханства отразились влияние на Муравьева его информаторов и его изоляция как пленника – невозможность непосредственного общения и ознакомления с жизнью населения. В частности, это относится к несправедливому определению роли аральских узбеков лишь как «чужеземных завоевателей», «господ» и воинов. В начале XIX в. большинство их уже были полуоседлыми или оседлыми земледельцами³⁰.

Читателей его книги поражает обилие и разнообразие сведений, новых для того времени и собранных в тяжелейших условиях, при постоянной реальной угрозе разделить трагическую участь Бековича-Черкасского. Результаты путешествия Муравьева в Хиву высоко оценили и географы. Одной из главных его научных заслуг они считали «значительное исправление карт Туркмении и Хивы. Кроме того, он первый сообщил точные данные об Узбое, его направлении, размерах и положении его устья у Каспийского моря»³¹.

В 1820-е годы на берегах Жаныдарьи еще сохранялись запустевшие каракалпакские поселения (построенная ими и уже пересохшая обширная оросительная сеть, крепости, строения, мазары), покинутые после завоевания в 1810–1811 гг. непокорного многочисленного жаныдарьинского «эля» каракалпаков хивинским ханом Мухаммед-Рахимом. Следовавшие из Оренбурга в Хиву и Бухару русские посольства, купцы, путешественники после переправы через Сырдарью и Кувандарью пересекали эту местность, привлекаяшую их внимание и интерес. В их отчетах, дневниках, мемуарах, частично опубликованных, сохранились строки о впечатлениях, вызванных проездом через этот мертвый оазис.

Упоминают о нем и некоторые члены русского посольства в Бухару, отправившегося в 1820 г. из Оренбурга во главе с крупным чиновником Министерства иностранных дел, действительным статским советником А.Ф. Негри. Так, во время следования посольства гвардейскому капитану Генерального штаба Е.К. Мейендорфу было поручено «обозрение Киргизской степи», изучение течения рек и «возможностей заселения просторов к югу от Оренбурга», а также поиска удобных мест для постройки русских крепостей «от Орска до Сырдарьи», дабы «обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву»³². В своем отчете «Путешествие из Оренбурга в Бухару», изданном в 1826 г. в виде книги на французском языке в Париже (в 1975 г. она переведена на русский язык советскими востоковедами), Мейендорф детально описывает местность между реками Нижняя Сырдарья и Жаныдарья. Последняя, по его мнению, «наименее бесплодна из всех тех, которые ему пришлось наблюдать в степи»; «здесь видны следы обширных полей, которые обрабатывались каракалпаками еще в 1806 году». Далее автор приводит отрывочные и не всегда точные сведения о причинах их ухода с берегов Жаныдарьи. Согласно рассказам очевидцев, он упоминает такую этнографическую черту их быта: «Будучи небогатыми и располагая лишь ничтожным количеством верблюдов, они пользуются двухколесными арбами, запряженными волами и лошадьми»³³. Другой участник посольства, священник Будрин, в своих воспоминаниях, описывая пройденный путь, замечает, что на дороге от Кувандарьи к Яныдарье находились «старые здания каракалпаков, в коих теперь никто не живет»³⁴.

В 1824 г. через указанную местность под сильным конвоем из 650 солдат и при двух орудиях проходил вооруженный караван крупного ростовского купца Евграфа Кайдалова, направлявшийся из Оренбурга в Бухару. У расположенной на Жаныдарье возвышенности Бештюбе на него напал в целях грабежа большой отряд хивинского войска. Конвой долго защищал караван, но вынужден был отступить. Хивинцам досталась богатая добыча – большая часть товаров купца. А сам он вернулся в

Оренбург и вскоре издал небольшую книжку «Караван-записки во время похода в Бухарию...»³⁵. В ней Е. Кайдалов описывает развалины крепостей на берегу Жаныдарьи и место, называемое «Арба-калган». Это значит, как сообщили купцу, «оставленные телеги». «Киргизы рассказывают, – пишет Кайдалов, – что на этом пространстве хивинцы одержали победу над каракалпаками, которые разбросали тут (при бегстве. – Т.Ж.) свои телеги, обломки коих и нам еще на дороге попадались»³⁶. В 1950-е годы Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция детально исследовала этот погибший оазис на берегах давно пересохшей Жаныдарьи и зафиксировала еще сохранявшиеся следы поселений и своеобразную ирригационную систему, созданную там каракалпаками и воплощавшую их многовековой опыт неустойчивого дельтового орошаемого земледелия³⁷.

В 1820–1830-е годы отрывочные этнографические сведения о каракалпаках Хивинского ханства, собранные Н.Н. Муравьевым, дополнялись расспросными сведениями, которые накопили служившие в Оренбурге чиновники и офицеры – подчиненные оренбургского военного губернатора. Главным собирателем таких сведений был председатель Оренбургской пограничной комиссии Азиатского департамента Министерства иностранных дел, инженер-полковник Г.Ф. Генс (1786–1844). В начале своей службы в Оренбурге он часто выезжал по разным поручениям в казахские степи, участвовал в геологических экспедициях, изучал и приводил в порядок архивы пограничной комиссии, а в 1818 г. был назначен ее председателем и занимал эту должность около 20 лет. Все это время он не упускал возможности для встреч с проезжавшими через Оренбург из Хивы, Бухары или Коканда членов посольств, военных деятелей, путешественников, а также освобожденных от рабства русских пленников. Его интересовали подробности их пребывания в том или ином ханстве.

Г.Ф. Генс пользовался у современников огромным авторитетом и считался большим знатоком «киргизских» (казахских) степей и Средней Азии. Он создал ценнейший фонд расспросных сведений: показания опрошенных он записывал в дневник или излагал в виде «записок», часть из которых передал своим друзьям и знакомым ученым для обработки и публикации. Некоторые его записки опубликовали в периодических изданиях академики К.М. Бэр, Г.П. Гельмерсен, известный этнограф, фольклорист и лингвист В.И. Даль. Последний и сам собирал расспросные сведения о ханствах и о жителях казахских степей.

В.И. Даль жил в Оренбурге с 1833 по 1844 г. Он приехал по приглашению военного губернатора, генерала царской свиты В.А. Перовского и служил при нем чиновником для особых поручений. В 1833 г. в Оренбург приехал А.С. Пушкин, чтобы собрать материалы для своей истории пугачевского восстания. Он был дружен с Далем, помогавшим ему в сборе легенд и преданий о Пугачеве и сопровождавшим его в поездках с этой целью в оренбургские станицы, в степь и на Урал. Даль интересовался бытом жителей среднеазиатских ханств, в том числе Хивинского. Среди опубликованных им расспросных сведений – записанный в 1824 г. рассказ Ф.Ф. Грушина, освобожденного из хивинского плена; в нем содержатся сведения о каракалпаках, живших в окрестностях Кунграда. Грушин сообщает, что каракалпаки «сеют много хлеба, больше сорочинское пшено (рис) да просо», а также пшеницу и джугару. Он указывает стоимость на базаре Кунграда каждого из этих видов зерна и добавляет, что «весь этот хлеб у них разбирают киргизы».

Рассказывая о пище каракалпаков, Ф.Ф. Грушин правильно замечает, что в ней традиционно большое место занимают блюда из пшена – «просо едят только каракалпаки». Кроме того, они «больше едят рыбы – иные ею, почитай, только и кормятся». Грушин подтвердил сообщение Н.Н. Муравьева об использовании в Хиве каракалпаков для обработки земли в ханских поместьях и об их бедности и угнетенности: «Кунград стоит на низменном месте. Ниже по реке в версте стоит ханский двор с садом и пашнями, на которых работают не рабы, а каракалпаки, которых тут поблизости кибиток тысячи три». И далее: «Каракалпаки не любят хивинского хана, да и он их не жалует. Они бы рады перекочевать в наши степи (т.е.

в местности, на которые простиралась власть России. – Т.Ж.), да бояться хана, и бедны крепко, нечем подняться»³⁸.

Несколько шире сведения о хивинских каракалпаках в записке о расспросах астраханца Ковырзина, убежавшего из хивинского плена в Оренбург в 1826 г. Эта записка была передана Генсом Г.П. Гельмерсену, как пишет последний в предисловии к ее публикации в «Отечественных записках», «вместе с другими материалами, собираемыми в продолжении многих лет с неутомимым прилежанием»³⁹. Гельмерсен указывает также, что, «почерпнув свои данные» из рассказа Ковырзина, обработал и дополнил их «собственными объяснениями». У Ковырзина была превосходная память, сведения его о Хиве обильны, однако о каракалпаках он сообщил лишь несколько этнографических фактов: они обитают в богатых пашнями и лесом (тугаями) низменных местах, занимаются земледелием и скотоводством, поля их дают обильную жатву; они бедны, «имеют мало верблюдов и лошадей, но больше рогатого скота»; «в Хиве рогатый скот покупается у каракалпаков»; занимаются они и рыболовством – «разъезжают по Аральскому озеру в небольших лодках и занимаются на нем рыбною ловлею».

Сообщает Ковырзин и о полукочевом образе жизни каракалпаков – жителей дельты: «Постоянную оседлость имеют только те, которые служат в армии хана». У остальных же лишь богатые имеют постройки, но не жилые, а хозяйственные: они «окружают двор стенами и в этом маленьком укреплении держат запас хлеба, а сами проводят зиму в его окрестностях, летом же перекочевывают с места на место». Говоря об одежде каракалпаков, Ковырзин подчеркнул, что она сходна с казахской, «но шапки носят хивинские», т.е., видимо, традиционное для них *шогиirme* – из черной овчины, шерстью наружу. Зимняя одежда мужчин – «из русского сукна» (вероятно, речь идет о шубе *шиик* с суконным верхом, на меховой подкладке). Упоминаемые им «армяки, вытканые из верблюжьей шерсти», – очевидно, халаты *шекпен* (их каракалпаки всегда шили из ткани местного производства, из верблюжьей шерсти). Другую одежду, по словам Ковырзина, носили каракалпаки, постоянно проживавшие в Хиве, «за счет султана», «не имея собственных домов». Видимо, это были чиновники, придворные хана: «Они носят шелковые платья и посреди кочующих земляков принимают важный и гордый вид». Как особенность пищи каракалпаков Ковырзин отметил следующее: «Каракалпаки едят очень много рыбы, в некоторых странах (местностях?) она служит им даже главною пищею»⁴⁰.

Важно отметить, что этнографические данные, опубликованные Гельмерсеном и рядом последующих авторов, о характере хозяйства и образе жизни каракалпаков, переселившихся с низовьев Сырдарьи и с Жаныдарьи в дельту Амударьи, свидетельствуют о полном сохранении у них традиционного комплексного типа хозяйства, сочетавшего земледелие со скотоводством и рыболовством и с полукочевым бытом. Этому способствовало сходство природных условий двух дельтовых областей Приаралья – Сырдарьинской и Амударьинской⁴¹.

В 1832 г. в истории русской этнографии произошло важное событие: вышел в свет капитальный труд А.И. Левшина (1799–1879), содержавший всестороннее историко-этнографическое описание казахов, – «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей»⁴². Он получил широкое признание в России и вскоре был переведен на ряд европейских языков.

А.И. Левшин служил в Министерстве иностранных дел и впоследствии стал крупным государственным деятелем, одним из учредителей Русского географического общества, почетным членом Академии наук. Занимаясь делами архива Азиатского департамента, он заинтересовался казахскими материалами. В 1820 г. по служебному поручению Левшин выехал на два года в Оренбург и Уральск. Там он постоянно выезжал в степь, знакомясь с бытом казахов и собирая расспросные сведения. Одновременно он изучал дела Оренбургской губернской канцелярии, Оренбургской пограничной комиссии и др. Продолжая в течение ряда лет исследование литературы и архивных источников, он написал трехтомное сочинение, посвященное географии, истории и этнографии Казахстана, за что Ч.Ч. Валиханов назвал его «Геродотом

казахского народа», а его сочинение – «драгоценным для науки»⁴³. Капитальный труд Левшина был высоко оценен и советскими историками этнографической науки – С.А. Токаревым⁴⁴ и М.О. Косвенном⁴⁵, считавшими, что эта монография и ныне не утратила научного значения.

Освещая историю и этнографию казахов «Малой Орды», в том числе сырдарьинских казахов, тесно связанных с соседними каракалпаками, Левшин много раз обращался и к их истории, а иногда уделял внимание и их этнографическому облику, особенно типу хозяйства. В первой части – «Географические известия» – при описании местностей «по рекам Кувану и Яны» (Жаныдарье) он пишет, что здесь «недавно жили каракалпаки: народ, постоянно занимавшийся хлебопашеством», и что в старинной крепости Джанкент в XVIII в. жил хан каракалпаков. Во второй части – «Исторические известия» – автор неоднократно обращается к событиям, в которые были вовлечены каракалпаки, перечисляет «бесчисленные» нападения на них казахских ханов и султанов, называет каракалпаков «несчастливым» народом, «весьма много страдавшим» от казахского хана Абулхайра и его преемников. Исторические сведения он приводит лишь по XVIII в. В третьей части – «Этнографические известия» – автор сопоставляет хозяйственные занятия сырдарьинских казахов и каракалпаков и отмечает заимствование казахами у последних земледельческих навыков и приемов: «Первыми учителями киргизов (казахов) в хлебопашестве были каракалпаки и ташкентцы»⁴⁶. В разделе о скотоводстве он пишет: «Сто лет назад киргизская орда, как говорят, совсем не имела рогатого скота, но после развели его от каракалпаков»⁴⁷.

В целом Левшин весьма пессимистично отзывался об исторических судьбах каракалпаков: «Целый народ каракалпаков, бывший независимым, имевший своих ханов и кочевавший на реке Сыре, от частых нападений и мщения киргизов за древние обиды, рассеялся, и в конце минувшего столетия потерял политическое бытие свое»⁴⁸. Однако Левшин преувеличивал «рассеянность» каракалпаков – большинство их к началу XIX в. оставалось в Приаралье, в пределах своей исторически сложившейся этнической территории, хотя, сосредоточиваясь в Хивинском ханстве, и подчинялось власти его правителей.

В среднеазиатской политике России 1830-х годов наряду с торговыми интересами все более проявлялось стремление к экспансии. Захват обширных пространств в казахских степях приближал границы империи к Хивинскому, Кокандскому и Бухарскому ханствам и способствовал продвижению в глубь Средней Азии. К тому же правительство России было обеспокоено растущим соперничеством со стороны Англии: конкуренцией английских товаров на среднеазиатских рынках; превращением соседнего с ханствами Афганистана в опорный пункт британской экспансии, грозившей распространиться на Среднюю Азию; участвующим проникновением в ханства британских агентов, возбуждавших у их правителей враждебность к России. В то время крайне обострились и отношения России с Хивой, которая претендовала на продолжение сбора податей с казахов, переходивших под власть России, взымала высокие пошлины с русских торговых караванов, подстрекала своих подданных к их ограблению. Кроме того, Хива поддерживала возникавшие в степи движения казахов против России и укрывала их вожаков.

Всем этим был вызван, по официальным источникам, поход отряда русских войск на Хиву зимой 1839–1840 гг., оказавшийся, впрочем, неудачным. Из-за суровой и снежной зимы отряд не дошел до Хивы и с большими потерями вернулся обратно. Тем не менее хивинский хан Аллакули (1825–1842) был напуган. Опасаясь вторичного наступления, он возобновил посольства в Россию, освободил свыше 400 русских пленников, издал указ, запрещающий захватывать русских подданных и обращать их в рабство.

1840–1850-е годы

Неудачу похода 1839 г. русские объясняли неизученностью подступов к Хиве. В России возрос интерес к Хивинскому ханству, появились веские причины для его подробного изучения, геофизических и топографических исследований окружающих

его степей и ведущих к нему путей. Было обращено большое внимание и на расширение и уточнение расспросных сведений о Хивинском ханстве. Главное участие в этом принимали подполковник М.И. Иванин и ученые из ближайшего окружения оренбургского губернатора Перовского братья Яков и Николай Ханьковы – большие знатоки казахских степей и Средней Азии, географ (картограф) и востоковед. Расспросы велись сперва с выпущенными из плена русскими казаками и часто посещавшими ханство казахскими купцами, а с 1841 г. – с многочисленными отпущенными ханом Аллакули русскими пленниками, жившими в разных частях ханства и возвращавшимися через Оренбург на родину. В тот период были составлены два описания Хивинского ханства – Я. Ханькова, оставшееся в рукописи, и М.И. Иванина, напечатанное (без указания автора) в 1843 г.⁴⁹ Тогда же более подробное описание хивинских владений подготовил (по сообщению его брата) Н. Ханьков (с приложением карты); к сожалению, оно также не было напечатано⁵⁰.

В описании М.И. Иванина немало сведений о населении Хивы, в том числе о каракалпаках: о расселении их по обоим берегам Амударьи, у Аральского моря и на его островах, о занятиях скотоводством и отчасти хлебопашеством, а также рыбной ловлей на Амударье, озерах и разливах («рыбы очень много, ее ловят сетями или бьют острогами на отменях»). Зимой каракалпаки перегоняют скот на о-в Токмак-ата, где «есть лес и трава». Они платят особую подать и по требованию хана выходят на войну и на его охоту, на которую хан отправляется в низовья Амударьи почти каждую осень.

Очевидно, часть накопленных путем расспросов сведений была использована М.И. Иваниним и в позднейшей его работе – монографии «Хива и река Амударья»⁵¹, где также уделено внимание каракалпакам.

Возобновление дипломатических отношений между Россией и Хивой вызвало решение об отправке русского посла для переговоров с ханом Аллакули о налаживании торговых и политических взаимосвязей. В 1841 г. в ханство был послан капитан Генерального штаба П. Никифоров, которому, однако, не удалось закончить затянувшиеся переговоры из-за отказа хана подписать предложенный Россией договор. Для их завершения в 1842 г. в Хиву отправилась дипломатическая миссия во главе с подполковником Генерального штаба Г.И. Данилевским, состоявшим при Перовском «по особым поручениям». Его сопровождали посланный для изучения природных условий ханства «натуралист» (ботаник) Ф.И. Базинер и в качестве переводчика бывший тогда чиновником Оренбургской пограничной комиссии, в будущем известный востоковед В.В. Григорьев, а также два топографа и конвойная казачья команда. Данилевскому удалось добиться подписания ханом Рахимкулом (1842–1846), сменившим на престоле Хивы своего внезапно умершего отца Аллакулихана, договора с Россией⁵². За время своего пребывания в ханстве миссия посетила его северные (Ташауз, Куня-Ургенч) и южные (Хазарасп и др.) районы и провела всестороннее (географическое, экономическое, историко-этнографическое) его исследование, итогом которого стали две крупные монографии: Г. Данилевского «Описание Хивинского ханства»⁵³ и Ф. Базинера, изданная в Петербурге на немецком языке⁵⁴.

Труд Данилевского основан не на случайных наблюдениях и отрывочных сведениях, а на серьезном научном изучении края и систематическом его описании. Он содержит 11 разделов, из которых 4 посвящены географическому описанию ханства (климат, орография, гидрография, ирригационные системы), а остальные – населению, описанию 24 городов ханства и главных селений, средств сообщения. Обширен раздел «Промышленность» с подробным описанием сельского хозяйства, а также раздел о торговле. Обстоятельны разделы о системе управления и особенно – финансов, с учетом доходов и расходов ханства и описанием податей и повинностей.

Сведения о каракалпаках в этом труде рассматриваются во многих разделах. В разделе о населении ханства дается их общая характеристика: расселение, деление «на несколько отделений» (имеются в виду их родоплеменные подразделения), их занятия (земледелие, скотоводство, рыболовство, перевоз через Айбугирское озеро

небольших купеческих караванов). Выявить численность полуоседлых каракалпаков в северных районах ханства – в дельте Амударьи – автору, видимо, не удалось. В оседлой же части «можно предполагать», по его мнению, их было 8000 кибиток, «считая по 4 человека в кибитке или семействе». В разделе о сельском хозяйстве Данилевский в качестве особенности состава сельскохозяйственных культур у каракалпаков (и у казахов) отмечает преобладание ячменя и проса – скороспелых и не требующих обильного полива культур. «Изрядное скотоводство» каракалпаков отличается, по его словам, преобладанием рогатого скота; в «меньшем числе» у них бараны и верблюды. Много внимания уделяет автор обложению каракалпаков налогами и податями; они «более других подвластных ханству племен отягощены налогами, которые совершенно разоряют их», – пишет Данилевский. Каждое их подразделение управляется «особливым начальником», т.е. родовым бием, состоявшим в ведении *кушбегия* (ханский сановник, управлявший северной частью ханства и сбором там податей).

Налог с земли – *салгыт* – взимается с них, по его словам, как и с других (полуоседлых) народов ханства, которые «обзавелись хлебопашеством». Как казахи и туркмены, каракалпаки платят и *закят* – налог со скота, «не исключая тех, которые кочуют в пределах оседлой части ханства». Кроме того, они платят особый большой налог – ежегодный взнос* в ханскую казну – 1000 тиллей (1 тилля = 15 русских руб.)⁵⁵.

Конечно, современные сведения о налогах и повинностях каракалпаков ханства в середине XIX в., основанные на богатейшем источнике – документах архива хивинских ханов XIX в.⁵⁶, несравненно полнее и точнее, чем данные Данилевского, однако внимание к социальной жизни каракалпаков – большая заслуга указанного исследователя**.

В книге Ф. Базинера, которую перевел с немецкого языка и сопроводил предисловием востоковед П.С. Савельев⁵⁷, много общего с материалами Данилевского – они путешествовали вместе. Но автор-натуралист, естественно, больше внимания уделил природе – главным образом флоре и культурным растениям. В его книге больше образных описаний и живых наблюдений быта и труда местных жителей; это касается и особенностей хозяйства каракалпаков. Важное значение имеет, например, описание их земледелия без применения ирригации на землях высыхающих озер и разливов. «Поселения каракалпаков, – пишет он, – разбросаны по всей низменности между Устюртом и Лауданом (один из западных протоков дельты Амударьи. – Т.Ж.). Довольно густые кустарники красивых тамарисков и саксаула, а между ними поля и кибитки, простираются отсель вплоть до Каскаджуля (местность близ Ходжейли?). Вся эта низменность ежегодно наводняется при половодье Амударьи. Лишь только сбудет вода – каракалпаки принимаются за обработку увлажненной почвы, засевая ее дынями, просом и ячменем. Жатву сберегают они близ своих кибиток, заваливая ее соломой и землей»⁵⁹.

Далее он пишет о бедности каракалпаков, происходившей большей частью «от притеснений хивинских приставов, не щадящих слабых каракалпаков»: «семейство, имеющее два или три верблюда и столько же коров и лошадей, считается уже богатым»⁶⁰. Базинер отмечал и различия образа жизни каракалпаков в разных частях ханства: в полосе ханства «через городки Кят, Мангыт и Кипчак» они «не отстали еще от кочевой жизни», а между Кипчаком и Кунградом у них «главные промыслы – земледелие и рыболовство»⁶¹.

Научные результаты посольства Данилевского были высоко оценены. И.В. Мушкетов, анализируя их, писал: «Два славные участника посольства – Данилевский и Базинер, опубликовали прекрасные работы о Хиве, Устюрте и Арале... прекрасное

* Имеется в виду так называемый *салгыт-кесме*, т.е. салгыт, заранее установленного размера, независимо от площади посевов; его распределяли по родам и собирали родовые бии, сдавая затем в ханскую казну. Этот налог был введен ханом Мухаммед-Рахимом после завоевания и переселения в ханство жандарьинских каракалпаков.

** Важнейшие источники по истории и социально-экономической жизни населения Хивинского ханства XIX в. – архив хивинских ханов и рукописи трудов хивинских придворных историков Муниса и Агехи – были впервые обнаружены в 1873 г. в ханском дворце участником хивинского похода востоковедом А.Л. Куном. В XIX в. они еще не вошли в научный обиход⁵⁸.

описание Хивинского ханства Данилевским только немногим уступает подобному же труду Ханькова относительно Бухарского ханства»⁶². Он имел в виду классическую монографию Н. Ханькова, талантливого востоковеда, написанную по материалам, собранным им в Бухарском ханстве в 1841 г., во время пребывания там в составе русского посольства, возглавлявшегося горным инженером и крупным геологом К.Ф. Бутеневым. Современный историограф Б.В. Лунин в своем обзоре истории исследования Хорезма отмечает, что значительные сведения в работе Данилевского о населении Хивинского ханства «придают ему характер существенного историко-этнографического труда»⁶³.

Повышение научного уровня результатов исследований посольских экспедиций в середине XIX в., несомненно, объясняется включением в их состав все большего числа ученых и в особенности востоковедов. В.В. Бартольд писал: «Изучение русскими среднеазиатских ханств достигло значительных успехов уже в первой половине XIX в. ...Результаты этих путешествий могли быть использованы для науки в большей степени, чем прежде, отчасти благодаря деятельности профессоров-ориенталистов, представителей учрежденных в начале XIX в. университетских кафедр восточных языков»⁶⁴.

1840-е годы ознаменовались выдающимся событием в истории отечественной науки – основанием в 1845 г. Русского географического общества (с 1849 г. – Императорское русское географическое общество – ИРГО) и началом его деятельности в области этнографических исследований⁶⁵. Членами этого общества были представители самых разных слоев общества того времени. Среди его учредителей и первых членов наряду со знаменитыми мореплавателями (адмиралы Литке и Врангель, капитан флота Крузенштерн) – немало ученых, образованных офицеров генерального штаба и флота, путешественников и чиновников, причастных (уже тогда или позднее) к научному исследованию казахских степей и среднеазиатских ханств: академики – антрополог, зоолог и географ К.М. Бэр, геолог Г.П. Гельмерсен, другие ученые – этнограф и писатель В.И. Даль, автор труда о казахских «ордах» А.И. Левшин, географ и картограф Я. Ханьков, статистик Г.П. Небольсин и пр. Из военных – исследователь Устюрта полковник Ф.Ф. Берг, исследователь Мангышлака, Хивинского ханства и Амударьи полковник М.И. Иванин, исследователи Аральского моря и Сырдарьи в 1840–1850-е годы лейтенант флота, впоследствии контр-адмирал А.И. Бутаков и штабс-капитан А.И. Макшеев и др.

В Географическом обществе было создано четыре отделения: общей географии, географии России, статистики и этнографии. В организации этнографического отделения принимал горячее участие В.И. Даль, руководителем его в первые годы являлся К.М. Бэр. Этнография сразу же заняла почетное место в ИРГО; по мнению С.А. Токарева, процесс ее становления как особой науки завершился в середине XIX в.: «Во вновь созданном Русском географическом обществе были впервые провозглашены основные положения этнографии, как науки, и эта наука получила свое официальное признание»⁶⁶.

Уже в первые годы своего существования Географическое общество при преобладании внимания к русской этнографии способствовало изучению населения Средней Азии и Казахстана. С конца 1840-х годов в первых его изданиях – «Географических известиях РГО», «Вестнике ИРГО», «Записках ИРГО» – публиковались архивные рукописи и статьи об исследованиях, проведенных в Приаралье в XVIII – первой половине XIX в. (Гладышева и Муравина, Бланкеннагеля, Данилевского и Базинера, Бутакова и Макшеева и др.). Часть из них подготовили к печати и снабдили примечаниями востоковеды В.В. Григорьев, П.С. Савельев и Я.В. Ханьков. Последний принимал особенно активное участие в деятельности общества. Он опубликовал в его изданиях ряд своих статей и карт, в том числе «Карту Аральского моря и Хивинского ханства с его окрестностями», с приложением «Пояснительной записки», содержавшей обширный историографический очерк – сведения о всех путешественниках, посетивших до 1850 г. этот регион с научными целями⁶⁷.

В конце 1840-х и в 1850-е годы отношения России с ханствами все более обострились. Российское правительство решило укреплять свои позиции на подступах к ханствам, создавая опорные пункты – крепости для начала завоевательных походов. В 1846 г. были заложены Оренбургское укрепление на Тургае, Уральское – на Иргизе, Новопетровское – на Мангышлаке; в 1847 г. – Раимское в устье Сырдарьи. Основание русских укреплений на смежных с Хивинским ханством территориях, в особенности ближайшего к нему Раимского, вызывало тревогу и протест со стороны хана Мухаммед-Эмина (1846–1855). Он настойчиво, но тщетно обращался к правительству России с просьбой «срыть Раим». Хивинские войска непрерывно совершали набеги на правобережье Сырдарьи, сопровождавшиеся схватками с царскими войсками, нападениями на аулы перешедших в русское подданство казахов и беспощадным разграблением этих селений. Между тем Россия готовилась к дальнейшему наступлению, к продлению Сырдарьинской линии укреплений путем присоединения к ней кокандской крепости Ак-мечеть (после ее захвата в 1853 г. – форт Перовский, ныне – Кызылорда). В связи с целями экспансии усилилась работа по изучению обширных территорий Приаралья – низовий Сырдарьи и Амударьи и самого Аральского моря, еще совершенно не исследованного.

В 1848 г. военным и морским ведомствами была организована научная экспедиция на Аральское море; предстояло впервые провести его гидрографическое изучение и топографическую съемку его берегов с последующим нанесением на карту. Начальником экспедиции был назначен старший лейтенант флота А.И. Бутаков – молодой, но опытный морской офицер, совершивший в 1840–1842 гг. кругосветное путешествие на военном транспорте «Або»⁶⁸. Экспедиция работала в 1848 и 1849 гг. на двух военных судах – шхунах «Николай I» и «Константин», построенных в Оренбурге, доставленных к берегу Арала в разобранном виде и после сборки спущенных в устье Сырдарьи близ Раима. В команде Бутакова на шхуне «Константин» во время экспедиции находились на положении рядовых линейного батальона два политических ссыльных – украинский поэт и художник Тарас Шевченко и польский студент Томаш (Фома) Вернер. Судьба их, тяжелые условия ссылки в Орске вызвали глубокое сочувствие у Бутакова. Он добился разрешения включить их в свою команду в качестве живописца и геолога. Впрочем, за этот гуманный поступок он после окончания экспедиции оказался по доносу в опале, вызвав гнев императора. Бутаков попал под надзор III Отделения, а Шевченко был сослан на Мангышлак в Ново-Петровское укрепление.

Завершив исследование 1848 г., зиму экспедиция провела на о-ве Кос-арал в дельте Сырдарьи, а в 1849 г. закончила работы. Бутаков со своим помощником – прапорщиком корпуса штурманов Поспеловым – сделал опись всего моря и открытых им островов, промер глубин, определение течения, съемку берегов. В 1850 г. вышла морская карта Аральского моря, изданная гидрографическим департаментом Морского министерства по съемкам Бутакова и Поспелова⁶⁹.

Во время стоянок своей флотилии на Кос-арале и позднее, в 1850-е годы при исследовании и съемке Нижней Сырдарьи А.И. Бутаков много общался с приаральскими казаками и внес свой вклад в их этнографию⁷⁰. С переселившимися из этих местностей каракалпаками он уже не мог встретиться, хотя наблюдал оставленные ими своеобразные ирригационные сооружения – плотины, дамбы и др., частью заброшенные, частью используемые казаками для орошения своих земель и для осушения озер и протоков дельты и последующих поборов на их влажных днищах⁷¹. При съемке берегов и островов Южного Арала Бутаков наблюдал с борта корабля изредка встречавшиеся кочевья каракалпаков, их поля и стада, сбор ими в тугаях дельты и островов ягод джиды – важного продукта их пропитания. На одном острове каракалпаки жгли уголь из саксаула для продажи его в Хиве – это был один из их промыслов. Бутаков наблюдал каракалпаков на морском побережье в устье Амударьи, у острова Токмак-ата, в устье Жаныдарьи в урочище Бештюбе, в устье

Кувандарьи. Однако редкая возможность высаживаться на берег препятствовала его общению с каракалпаками⁷².

Сведения о каракалпаках встречаются и в статьях А.И. Макшеева⁷³, участвовавшего в экспедиции Бутакова на первом ее этапе (в 1848 г.). Однако автором некоторых сведений и материалов, приводимых Макшеевым в его статье «Описание Аральского моря» (1851), мог быть Бутаков – они совпадают с дневниковыми записями последнего. Как отмечалось выше, по возвращении из плавания в 1849 г. Бутаков попал в опалу за сочувствие к политическим ссыльным Т. Шевченко и Т. Вернеру, взятым в состав экспедиции. Был наложен запрет на его выступления с научными докладами и на публикации его работ. Но служивший в те годы в Оренбурге штабс-капитан Макшеев имел возможность ознакомиться с отчетом о работах Аральской экспедиции, представленным Бутаковым в штаб Оренбургского отдельного корпуса. Видимо, по данным этого отчета он подготовил статью с описанием двухлетнего плавания и исследования Аральского моря⁷⁴. Сам Бутаков смог начать публиковать результаты своей экспедиции в изданиях ИРГО и других журналах только с 1853 г.⁷⁵

* * *

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. привело к изменению русской внешней политики и переклонило ее внимание с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток. Исследуя данный период отношений России со Средней Азией, Н.А. Халфин пишет: «Это было время значительно более глубокого, чем раньше, изучения обстановки в странах Азии... для выработки определенных принципов политики в той или другой стране... Это было время трех русских миссий – научной экспедиции Н.В. Ханькова в восточный Иран, посольства Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару и поездки Ч.Ч. Валиханова с торгово-политическими целями на юг Синьцзяна – в Кашгар»⁷⁶.

В 1858 г. правительство России снарядило в Хиву и Бухару многочисленную научно-дипломатическую миссию, призванную детально прояснить политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся в то время в ханствах, и провести переговоры с их правителями для принятия ими соглашения с Россией, названного «Обязательным актом», – о мерах по установлению спокойствия в степях и безопасности торговли. Главой миссии был назначен полковник Н.П. Игнатьев, имевший придворный чин флигель-адъютанта, – опытный дипломат, вызванный из Лондона, где он занимал пост военного атташе России. Н.П. Игнатьев принадлежал к сторонникам активизации наступательного движения России в Среднюю Азию и использования его как фактора противостояния Англии, все более распространявшей свое влияние на этот регион.

В состав посольства входили М.Н. Галкин – дипломатический чиновник, служивший в Оренбургском генерал-губернаторстве в чине коллежского асессора, офицер Генерального штаба капитан Н.Г. Залесов, офицер флота – лейтенант А.Ф. Можайский, в будущем знаменитый изобретатель и испытатель первого самолета, топограф Зеленин, офицеры корпуса топографов и др., а также ученые: астроном К.В. Струве, представитель Академии наук востоковед П.И. Лерх и секретарь посольства, тоже востоковед, Е.Я. Килевейн, получивший степень магистра при факультете восточных языков Петербургского университета. Кроме того, для содействия миссии в Хивинское ханство направлялась Аральская флотилия под начальством капитана 1-го ранга А.И. Бутакова. Общее число членов миссии с конвоем, не считая обоза, достигало 80 чел.

В инструкции Министерства иностранных дел миссии предписывалось всесторонне изучить ситуацию в ханствах, а в Хиве при переговорах с ханом Сеид-Мухаммедом (1856–1864) добиваться его разрешения на проход Аральской флотилии в Амударью и свободное плавание по ней русских торговых судов. Миссия шла из Оренбурга в Хиву по западному пути, по Устюрту и берегу Арала к мысу Урга, а затем, переправясь через Айбугирский залив, добралась до Кунграда; далее ее путь шел по каналам к

Новому Ургенчу и Хиве. Ранее намеченный более удобный путь через Куны-Ургенч и Ходжейли пришлось изменить из-за захвата этих городов восставшими против хана туркменами. По той же причине Бутаков со своей флотилией прошел по главному руслу дельты Амударьи Улькундарье только до Кунграда⁷⁷.

Миссию Игнатьева встретили в Хивинском ханстве с недоброжелательством. Хан и его приближенные были обеспокоены разрастанием Сырдарьинской линии русских крепостей и прекращением уплаты Хиве податей перешедшими в подданство России сырдарьинскими казахами. Прибытие многочисленного посольства и ставшей в устье Амударьи вооруженной пушками военной флотилии Бутакова, а также проводившиеся им промеры обмелевших протоков дельты породили слухи о якобы уже идущих по Устюрту для завоевания Хивы русских войсках. Все это способствовало разжиганию антирусских настроений у правящей верхушки ханства. К тому же политическая обстановка в ханстве ко времени прибытия миссии была крайне напряженной.

Кроме внешних войн хан вел постоянные карательные военные действия против собственных подданных – стремившихся обособиться от Хивы узбеков-аральцев, каракалпаков и туркмен. Север ханства уже в течение ряда лет был охвачен волной народных восстаний: каракалпаков – в 1827 и в 1855 гг.⁷⁸ и туркмен, живших в округе Куны-Ургенча и у берегов обводненного в те годы русла Дарьялыка (Куны-Дарьи)⁷⁹. Восстания жестоко подавлялись, хивинские войска подвергали грабительским набегам селения повстанцев, разоряли жилища, вытаптывали посевы, перегораживали плотинами каналы, орошавшие поля. Во время приезда миссии разгоралось новое восстание (1858–1859 гг.), центром которого стал Кунград⁸⁰. В восстании участвовало все население севера ханства – узбеки, туркмены, каракалпаки и казахи. Восставшие обратились к русским властям с просьбой о помощи в борьбе с Хивой, однако вскоре возникли узбекско-туркменские распри и власть в Кунграде захватили туркменские группировки, а наибольшие бедствия постигли не желавших им подчиниться каракалпаков и казахов. Русское посольство оказалось в неблагоприятной обстановке. Переговоры с ханом затянулись и закончились неудачей: Сеид-Мухаммед отказался подписать «Обязательный акт», а его советники и правительство категорически выступили против прохода в Амударью русских судов и плавания по ней русских купцов.

И все же члены миссии за длительный срок своего пребывания в Хивинском ханстве успели провести большую работу, выполняя предписание об изучении края. Научные итоги их деятельности нашли отражение в целой серии публикаций – в изданиях Русского географического общества, научных журналах, газетах. Среди них – монография Н.П. Игнатьева⁸¹ и обширная статья Н.Г. Залесова в «Русском вестнике»⁸², имевшие характер отчета о деятельности посольства и детального описания политических событий в ханстве, а также статьи с описанием пути в ханство М.Н. Галкина, Е.Я. Килевейна, Н. Назарова (одного из уральских казачьих офицеров конвоя миссии) и несколько статей А.И. Бутакова об исследованиях в дельте и устьях Амударьи. Последний писал и о событиях в восставшем Кунграде, очевидцем которых он был при вторичном приходе его флота в этот город в 1859 г. Это произошло в разгар восстания, когда русские власти решили оказать помощь мятежной знати кунградских узбеков и туркмен, предложившей переход Кунграда в подданство России. Но по прибытии военных судов к Кунграду кунградцы отказались выполнить ультиматум Бутакова, и он повернул свой флот обратно⁸³.

Большинство перечисленных выше авторов встречали каракалпаков на пути миссии от Айбугира до Кунграда и далее, у берегов каналов севера ханства, по которым они на лодках плыли к Хиве. Упоминания каракалпаков у них нередки, но обычно это лишь внешние впечатления. Так, Залесов в одном из своих «Писем из Хивы», посланных в «Военный сборник»⁸⁴, описывая пройденную миссией часть ханства и населяющие ее народы, сообщает, что местность между Айбугиром и Амударьей, к югу от Кунграда, занята в основном каракалпаками и лишь в небольшом числе узбеками и казахами; пишет он и о встречах с ними, об их облике. О встречах с каракалпаками,

казахами, хивинцами и некоторых чертах их жизни писал в дневнике своего путешествия с миссией Н.П. Игнатьева М.Н. Галкин⁸⁵.

Более подробны сведения о каракалпаках в статье П. Назарова, опубликованной в «Уральских войсковых ведомостях». «Первое население, встретившее нас на хивинской стороне (залива Айбугир), – пишет он, – были каракалпаки». Автор беседовал с ними. Он пытается описать их облик, сравнивая его с обликом казахов. Пишет Назаров и о поразившей его бедности этого народа: «Здесь все – байгуши». «А между тем этот народ, – продолжал он, – заслуживает лучшей участи, потому что составляет самый производительный и самый трудолюбивый класс в населении ханства. Главный и почти единственный промысел каракалпаков – земледелие». В то же время они «самый несчастный народ в Хиве, благодаря возмутительному насилию, с каким хивинское правительство угнетает этих несчастных тружеников». В беседах с каракалпаками Назаров убедился, что они ненавидят своих притеснителей и давно присоединились бы «к нашим киргизам» (к казахам, подданным России), но хивинские чиновники отбирают у них «все, до последнего верблюда», так что им не на чем «подняться для перекочевки»⁸⁶.

Е. Килевейн указывает на крайний упадок хозяйственной жизни ханства. На всем пути от Кунграда до Хивы «все почти селения и города были в самом жалком состоянии... Междоусобия и беспрестанные войны породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными... Летом 1857 года свирепствовала в Хиве эпидемия (холеры)». Этот автор описывает бедствия, возникшие, как отмечалось выше, вследствие карательных мер хивинских ханов, подавлявших крупные восстания каракалпаков и туркмен в 1827–1857 гг. Касаясь восстания кунградских узбеков 1858 г., он пишет об участии в нем каракалпаков и о последовавших жестоких нападениях на них туркмен во время узбекско-туркменских междоусобиц. Килевейн видел разрушенные каракалпакские аулы – «следы разбойных нападений туркмен», оставлявших в них «лишь младенцев и стариков, а все молодое поколение бравших в плен» и отправлявших на невольничьи рынки в Хиву и на персидскую границу для продажи.

Килевейн больше других участников миссии уделял внимание населению ханства: в его статье есть раздел с кратким описанием сартов, узбеков-аралов, каракалпаков, киргиз (казахов), туркмен и др. О каракалпаках он пишет, что они живут в низовьях Амударьи близ Аральского моря, «ведут отчасти жизнь кочевую» и «более других подвластных ханству племен отягощены налогами»⁸⁷.

Больше возможностей общения с каракалпаками было у Бутакова и его команды, дважды приплывших в Кунград и долго работавших в дельте и устьях Амударьи для составления их гидрографического описания и карты. Наблюдая жизнь многочисленных аулов каракалпаков на берегах Улькундарьи, Бутаков убедился, что они «занимаются преимущественно земледелием и только для насущных потребностей скотоводством». Касаясь быта каракалпаков дельты, Бутаков пишет, что они, постоянно опасаясь грабительских набегов туркмен, выстроили несколько четырехугольных земляных укреплений, в которые «втискали свои кибитки почти вплотную одну подле другой»; в самой большой крепости укрывалось до 1000 кибиток. Сообщает он и о постройке хивинцами крепости (курганча) на севере правобережья ханства, «удерживающей в покорности киргизов и каракалпаков кочующих и живущих в этих местах и около озера Даукара»⁸⁸.

Спутник Бутакова в его плаваниях к Кунграду В. Шепурин также наблюдал быт каракалпаков в их аулах на берегах Улькундарьи. Он видел их пашни, орошенные каналами, их юрты. Вместе с тем Шепурин описывает их как «несчастный народ, изнуренный трудом и угнетением хивинскими чиновниками», быт которого представляет «живую картину нищеты». «Кибитки их, покрытые клочками оборванной кошмы почерневшей от продолжительной службы, едва ли могли служить им надежным убежищем от зноя и стужи»⁸⁹.

Таковы краткие упоминания каракалпаков в трудах участников миссии Н.П. Иг-

натъева в Хиву. Эти сведения мало способствовали расширению представлений русского общества об этнографическом облике каракалпаков, освещая главным образом их участие в восстании кунградских узбеков-аральцев и туркмен-иомутов в 1858–1859 гг. против власти хивинских ханов, но они отразили несчастлиую участь каракалпаков: жестокое угнетение их ханом и его чиновниками – сборщиками налогов – и полное разорение и обнищание во временно обособившемся от Хивы Кунградском владении, где под конец восстания захватила власть родоплеменная знать туркмен-иомутов. Важно также выявление участниками миссии нарастающего тяготения каракалпаков (как и казахов) Хивинского ханства к России; участвовавшее бегство их отдельных групп на Сырдарьинскую линию под покровительство русских властей вызвало тревогу у правителей ханства и необходимость постройки ими близ восточных границ ханства крепостей с гарнизонами войск (Курганча у Даукары и др.) для препятствия этим переселениям и «поддержания спокойствия» каракалпаков и казахов.

Руководитель миссии Н.П. Игнатъев после полного краха ее дипломатических задач из-за упорства хана Сеид-Мухаммеда и позднее, после переговоров с бухарским ханом Насруллою, пришел к выводу, что настало время переходить к решительным наступательным действиям в Средней Азии⁹⁰. Его выводы поддерживал и Н.Г. Залесов, разделявший экспансионистские устремления главы миссии⁹¹.

Сообщения о каракалпаках участников русских посольств, военных и военно-научных экспедиций первой половины XIX в. вошли в историю отечественной этнографии; они до сих пор используются в трудах историков и этнографов наряду с богатым фондом новых источников, открытых современными исследователями исторической этнографии каракалпаков.

Примечания

- ¹ *Жданко Т.А.* Сведения о каракалпаках в России XVIII века // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1998. С. 261–275.
- ² *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 170.
- ³ *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. Т. IX. М., 1977. С. 439.
- ⁴ *Халфин П.А.* Россия и ханства Средней Азии (1-я половина XIX в.). М., 1974. С. 62–64.
- ⁵ Там же. С. 65–66.
- ⁶ Записки Саввы Большого о приключениях его в плену у киргизкайсаков в 1803 и 1804 годах // Сын отечества. СПб., 1822. Ч. 76, 77, 80.
- ⁷ *Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Саранчиковской крепости // Зап. ИРГО. Кн. 2. СПб., 1861. С. 105–138.
- ⁸ *Халфин П.А.* Указ. раб. С. 86–88.
- ⁹ *Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 712.
- ¹⁰ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 156–159.
- ¹¹ *Григорьев В.В.* Указ. раб. С. 107–108.
- ¹² Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793–1794 гг. С примечаниями В.В. Григорьева // Вестн. ИРГО. Т. XXII. Отд. 3. СПб., 1858. С. 87–116; *Жданко Т.А.* Указ. раб. С. 270.
- ¹³ *Григорьев В.В.* Указ. раб. С. 113, 115.
- ¹⁴ *Андрианов Б.В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. III. М., 1958. С. 69.
- ¹⁵ *Григорьев В.В.* Указ. раб. С. 127, 123, 137.
- ¹⁶ Там же. С. 132.
- ¹⁷ Там же. С. 117.
- ¹⁸ *Жданко Т.А.* Указ. раб. С. 262, 268, 270, 271 и др.
- ¹⁹ *Лушин Б.В.* Прошлое и настоящее Хорезма в науке // История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. С. 9.
- ²⁰ *Халфин П.А.* Указ. раб. С. 109–110; *Маслова О.В.* (сост.). Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. I. 1715–1856. Ташкент, 1955. С. 30–32.
- ²¹ *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 286–289.

- ²² Бартольд В.В. История изучения Востока... С. 442–443.
- ²³ [Муравьев] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. Гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I и II. М., 1822.
- ²⁴ Там же. Ч. II. С. 27.
- ²⁵ Там же. С. 107.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 69.
- ²⁸ Там же. С. 26.
- ²⁹ Там же. С. 80.
- ³⁰ Зидыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952, С. 348.
- ³¹ Мушкетов И.В. Туркестан. Т. I. Ч. I. СПб., 1886. С. 81.
- ³² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 6. (Предисловие И.А. Халфина).
- ³³ Там же. С. 45. Прим. 11. С. 164–165.
- ³⁴ Будрин, свец. Русские в Бухаре в 1820 г. // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1871 г. С. 11.
- ³⁵ Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана, под воинским прикрытием, в 1824–1825 гг., веденные начальником одного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым. Ч. 1–3. М., 1827–1828.
- ³⁶ Там же. Ч. 2. М., 1827. С. 109–110.
- ³⁷ Андрианов Б.В. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаныдарьи в 1956–1957 гг. // Матер. Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 4. М., 1960. С. 172–190.
- ³⁸ Даль В.И. Рассказ пленника Ф.Ф. Грушина // Литературное приложение к «Русскому инвалиду». 1878. № 5. С. 84–86.
- ³⁹ Гельмерсен Г. Хива в нынешнем своем состоянии (Со слов вышедшего из плена в 1826 г. Ковырзина) // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. С. 95–124.
- ⁴⁰ Там же. С. 99, 103, 108, 118.
- ⁴¹ Жданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 148–153.
- ⁴² Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1–3. СПб., 1832.
- ⁴³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 122.
- ⁴⁴ Токарев С.А. Указ. раб. С. 175.
- ⁴⁵ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 199.
- ⁴⁶ Левшин А. Указ. раб. Ч. 3. С. 200.
- ⁴⁷ Там же. С. 193.
- ⁴⁸ Там же. С. 29.
- ⁴⁹ Сведения о Хивинском ханстве // Журнал мануфактур и торговли. 1843. Ч. 2. С. 77–162.
- ⁵⁰ Ханыков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Зап. ИРГО. 1851. Кн. V. С. 344–345.
- ⁵¹ Иваниш М.И. Хива и река Амударья. СПб., 1873.
- ⁵² Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сб. 1866. № 5.
- ⁵³ Данилевский Г.И., подполк. Описание Хивинского ханства // Зап. ИРГО. 1851. Кн. V. С. 62–139.
- ⁵⁴ Basiner Th. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisiensteppe nach Chiva. SPb., 1848.
- ⁵⁵ Данилевский Г.И. Указ. раб. С. 92, 95, 99–100, 121, 128, 136–137.
- ⁵⁶ Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 26–29; [Брегель]. Документы архива Хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков/Подбор документов, введение, перевод, приращивание и указатели Ю.Э. Брегеля. М., 1967. С. 30–55.
- ⁵⁷ Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву (сообщено д.ч. П.С. Савельевым) // Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества под ред. В.В. Григорьева. 1849. Вып. 4. С. 157–171; 1849. Вып. 5. С. 206–212.
- ⁵⁸ Иванов П.П. Хивинские хроники XIX в. Мулиса-Агехи как источник по истории туркмен // Материалы по истории туркмен в Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. М.; Л., 1938. С. 27.
- ⁵⁹ Путешествие г. Базинера... Вып. 4. С. 163.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 170–171.
- ⁶² Мушкетов И.В. Указ. раб. С. 99–100.
- ⁶³ Лукин Б.В. Прошлое и настоящее Хорезма в науке // История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. С. 10.
- ⁶⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока... С. 439.

- ⁶⁵ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 1. СПб., 1896; Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.: JL., 1946.
- ⁶⁶ Токарев С.А. Указ. раб. С. 8.
- ⁶⁷ Ханыков Я.В. Указ. раб. С. 268–353.
- ⁶⁸ Дмитриев В.И. А.И. Бутаков. М., 1955.
- ⁶⁹ Берг Л.С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. С. 74–79.
- ⁷⁰ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата. 1966. С. 129–131.
- ⁷¹ Бутаков А.И. Сведения об экспедиции, снаряженной для описания Аральского моря в 1848 г. // Вестн. ИРГО. Кн. 1. Отд. VII. СПб., 1853. С. 6, 8.
- ⁷² Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. / Подгот. к печати Е.К. Бетгер. Ташкент. 1953. С. 36, 39, 52 и др.
- ⁷³ Макишев А., *ит.-кат.* Описание Аральского моря // Зап. ИРГО. Кн. V. СПб., 1851. С. 49, 50, 57, 58 и др.; *его же.* Описание низовьев Сырдарьи // Морской сб. 1856. XXIII. № 9. С. 472, 502–505 и др.
- ⁷⁴ Дневные записки плавания Бутакова... С. 4–7; Дмитриев В.И. Указ. раб. С. 47.
- ⁷⁵ Бутаков А.И. Сведения об экспедиции... С. 1–9.
- ⁷⁶ Халфин Н.А. Три русские миссии // Тр. Среднеазиатского госуд. университета. Н.с. Вып. 87. Ташкент, 1956. С. 3–4; Маслова О.В. (сост.) Указ. раб. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 32–36.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ История Каракалпакской АССР (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1986. С. 101–104; Камалов С.К. Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России // Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964. С. 184–192.
- ⁷⁹ Андрианов Б.В., Васильева Г.П. Покинутые туркменские поселения XIX в в Хорезмском оазисе // Краткие сообщения Ин-та этнографии. Т. XXVIII. М., 1958. С. 41; Вайнберг Б.И. Туркменские поселения по Дарьялыку // МХЭ. Вып. 4. 1960. С. 119–120.
- ⁸⁰ Камалов С.К. Указ. раб. С. 193–198.
- ⁸¹ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897.
- ⁸² Залесов П.Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 г. // Русский вестник. 1871. Т. 91. № 2. С. 421–440; Т. 92. № 3. С. 42–82.
- ⁸³ Бутаков А.И. Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки. 1865. Ноябрь. С. 91–112; *его же.* Дельта и устье Амударьи // Отечественные записки. 1866. Январь. С. 128–138.
- ⁸⁴ Залесов П. Письмо из Хивы // Военный сб. 1858. Т. 4. № 7–8. С. 491–497.
- ⁸⁵ Галкин М.И. Выдержки из дневника следования в 1858 г. из Оренбурга в Хиву Киргизской степью и Амударьей // Галкин М.И. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 164–168.
- ⁸⁶ П. [Назаров П.]. От Айбугирского залива до Кунграда // Уральские войсковые ведомости. 1868. № 9.
- ⁸⁷ Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохамед хана (1856–1860) // Зап. ИРГО. Кн. 1. СПб., 1861. С. 100, 103, 105–106.
- ⁸⁸ Бутаков А.И. Дельта и устье... С. 130, 137.
- ⁸⁹ В.Ш. [Шенурин]. Плавание Аральской флотилии в 1858–1859 гг. // Морской сб. 1861. № 5. С. 127.
- ⁹⁰ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897. С. 274, 278.
- ⁹¹ Залесов П.Г. Посольство в Хиву и Бухару... Т. 92. № 3. С. 61.

T.A. Z h d a n k o. Sources of the Historico-ethnographical Data on the Karakalpaks of Russia of the 19th Century (Prior to the Conquest of the Khiva Khanate in 1873)

The article provides historical and ethnographical data on the economic life, customs and social life of the Karakalpaks in the last century. The authors of these historico-ethnographical data are scholars, travellers, State servants and others.